

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВО «РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. И. Герцена»

Институт философии человека

Лев Летягин
Александр Шевцов

В ЭТОЙ СКАЗКЕ...

Сборник статей

Санкт-Петербург
2020

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ и НАУКИ РФ
ФГБОУ ВО «РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. И. Герцена»

Институт философии человека

Лев Летягин
Александр Шевцов

В ЭТОЙ СКАЗКЕ...

Сборник статей

Санкт-Петербург
РГПУ им. Герцена — Издательство «Роща»
2020

УДК 82.09
ББК 83.3(2)
Л52

Л52 Л. Летягин, А. Шевцов.

В этой сказке... Сборник статей. —

СПб.: ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И.Герцена», Издательство «Роща»,
2020. — 178 с.

ISBN 978-5-8064-2893-7 (ФГБОУ ВО «РГПУ им. А. И. Герцена»). —
ISBN 978-5-6044578-1-8 (Издательство «Роща»)

В сборник вошли статьи разных лет, подготовленные
учеными в рамках научных конференций и проектов.

Будет интересно культурологам, философам, психологам,
аспирантам, студентам ВУЗов и старшим школьникам.

УДК 82.09
ББК 83.3(2)

*Возрастное
ограничение*

ISBN 978-5-8064-2893-7
ISBN 978-5-6044578-1-8

© Летягин Л., 2020
© Шевцов А., 2020
© ФГБОУ ВО «Российский
государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена», 2020
© Издательство «Роща», оформление, 2020

*«В этой сказке, милостивый государь,
вся наша история»*

А. Герцен

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СКАЗОЧНЫЙ СЮЖЕТ В 3D-ПРОЕКЦИИ (присказка)

Лев Летагин

СКАЗОЧНЫЙ СЮЖЕТ В 3D-ПРОЕКЦИИ (присказка)¹

*Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа,
сочиня сказочки и не ездя по соседям...*
А. Пушкин. «Заметки о холере». 1831 г.

*И целуя дольний прах,
отнесу я сказку людям...*
М. Волошин. 1905 г.

Лето 1831 года Александр Пушкин проводил в Царском Селе на даче Китаевой.

В первые месяцы супружеской жизни «ему отрадно было насладиться новым счастьем в тех местах, под теми липами и кленами, которые лелеяли его лицейскую молодость», — вспоминал П. А. Плетнев.

¹ Текст подготовлен в рамках проекта, поддержанного грантом РФФИ 19-29-14068 «Информационная антропология как методологическое основание сопровождения образовательного процесса в метапредметном поле цифрового контента».

Чем в это лето мог определяться круг семейных обязанностей «первенствующего поэта русского», что входило в его домашние расчеты, какие явления внутренней жизни побуждали к творчеству, стали стимулом литературных трудов? Порою «как-то забывается, что стихотворение в жизни поэта — не отдельный эпизод, который можно извлечь, ничего не повредив и не изменив. Оно — часть этой жизни и связано множеством нитей с биографией автора», — отмечал Вадим Перельмутер (38, с. 124). Вопрос, в какой степени и как следует относиться к «чрезмерному «биографизированию» творчества Пушкина» остается дискуссионным (2; 50). Что личное, но по-человечески значимое в судьбе поэта постигается без нарушения ценностных границ его текстов, выходивших за пределы *литературной домашности*, открытых иному времени?

«Счастье можно найти только на проторенных путях», цитировал Пушкин слова Шатобриана в письме Н. И. Кривцову от 10 февраля 1831 г. (43, с. 151, 424). Венчание Пушкина с Натальей Николаевной Гончаровой свершилось в Москве 18 февраля 1831 года. Этот «автобиографический момент», не может быть исключен из сферы возможных «филологических» разысканий. Через неделю в Москве выйдет из печати литературный альманах с первой публикацией знаменитых пушкинских строк:

...Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Свадьба поэта и его «пригожая жена» — «премилая» и элегантная «до чрезвычайности» — стали предметом обсуждений, толков и пересудов обеих столиц. Е. А. Энгельгардт, прежний наставник по Лицею, спустя месяц пишет товарищу поэта Федору Матюшкину: «Знаешь ли, что Пушкин женился? Жена его москвичка, как говорят, очень любезная, образованная <...>. Жаль ее: она верно будет несчастлива. В нем только и было хорошего, что его стихотворческий дар, да и тот, кажется, исчезает...» (27, с. 314).

По-родительски напутственно к поэту обратится Е. А. Карамзина с пожеланием изменений в жизни, чтобы «стала столь же радостной и спокойной, насколько до сих пор она была бурной и мрачной». С той же степенью озабоченности и личного участия будет писать Пушкину Е. М. Хитрово: «прозаическая сторона брака — вот чего я боюсь для вас!».

Показательно «прозаическими» оказались лишь внешние недоразумения, сопутствовавшие свадьбе поэта. По Москве получили хождение «стишки», которые «всклепали» на его женитьбу: «если хочешь попасть в рай — молись, а хочешь в ад — женись». «На худой конец, — писал брату Яков Сабуров, — больше будет прекрасных строф.

Пусть брак и семья станут лишним томом в его библиотеке материалов — я согласен: она будет лишь богаче и плодотворнее...» (48, с. 102-103).

Нельзя отрицать важность сугубо личных эпизодов жизни «для оттенения тех сторон характера поэта, которые <...> остались не без влияния на его мирозерцание и на его творчество», — отмечал Н. Котляревский (30, с. 18). Более конкретно это сформулировал В. Непомнящий: «Написанная в год женитьбы «Сказка о царе Салтане» — апофеоз крепкой семьи, воссоединяющейся вопреки всем козням» (36, с. 176). «Сказки были для Пушкина не просто литературной задачей, но личной потребностью. Он вкладывал в них что-то очень дорогое и, может быть, тайное» (*там же*, с. 155, 159). Именно поэтому в них закономерно видеть «полноту и динамику душевной жизни» поэта.

Что Пушкин находил в своей работе над сказками? Его взгляды на творчество слишком схематично ограничивать конкретными установками: «фольклорные интересы Пушкина на протяжении его жизни хорошо изучены, они — этапы его пути к народности» (54, с. 15). Действенность народной поэтической стихии не могла отрицать самостоятельности индивидуальных творческих задач.

Несомненно, однако, что «до последнего времени изучение пушкинских сказок сводилось к узкоспециальным фольклористическим аспектам (источники, язык, стиль и пр.), — пишет В. Непомнящий; — в этом своеобразно и невольно

отражалась традиция недооценки серьезного и самостоятельного значения этой сферы пушкинского творчества» (36, с. 144). Именно поэтому сказки необходимо оценивать как нечто большее, чем литературную «огранку» фольклорных сюжетов, работа над ними — часть не только творческой, но и личной биографии Пушкина.

«Сказка о Салтане» занимает особое место в тот период жизни поэта, в который, по мнению одной из современниц, знаменитый автор «Онегина» пишет только «какие-то сказочки да песенки» (42, с. 254). Не без укоризны к общему «вкусу критиков и публики» об этом вспоминает брат поэта Лев Сергеевич, когда ««Борис Годунов», «Полтава», все русские сказки были приветствуемы то бранью, то насмешками» (42, с. 56). Ближайший друг Павел Нащокин не без иронии пишет Пушкину о приезде из провинции, «который сказывал что твои стихи не в моде — а читают нового поэта, и кого бы ты думал, опять задача, — его зовут — Евгений Онегин» (43, с. 173).

По многим причинам после свадьбы Пушкин торопится с отъездом из Москвы, чтобы провести первые месяцы семейной жизни в Царском Селе — «без сплетен» и «теток», с которыми «справиться невозможно», «в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей». По свидетельству Дмитрия Гончарова, летом 1831 года в домашнем обиходе молодых супругов «царствует большая дружба и согласие; Таша обожает своего мужа,

который также ее любит; дай бог, чтоб их блаженство и впредь не нарушилось» (41, с. 426).

На даче Китаевой Пушкин погружен в ворох окололитературных и литературных хлопот — готовит к печати «Маленькие трагедии», заключительные главы «Онегина», III часть сборника своих стихотворений, переписывает набело «Повести Белкина», занимается подготовкой последнего издания «Северных цветов» в пользу братьев Дельвига, обсуждает идею издания литературной и политической газеты. Тогда же он приступает к написанию «Сказки о Салтане».

Деятельность Пушкина в столь разных практических сферах и жанровых формах не могла мыслиться им как «параллельный» процесс, что было возможно только при наличии определенной сверхзадачи. На единство авторских установок, определявших творческие замыслы Пушкина, проницательно указывает В. Непомнящий: «У зрелого Пушкина есть три четко определившихся цикла крупной формы: «Повести Белкина», «маленькие трагедии» и сказки. Связи между ними гораздо теснее, чем можно предположить; <...> «сумма идей» в этих трех циклах получает выражение соответственно в материале «быта» («естества») в «Повестях Белкина», «бытия» («существа») в «маленьких трагедиях» и «сверхбытия» («сверхестества») в сказках» (36, с. 143).

Сравнительно с написанной годом ранее сказкой «О попе и Балде» сюжет о Салтане мыслился

как масштабное сочинение — «сказка в тысячу стихов». Об этой работе Пушкина сохранились свидетельства жившего рядом в Павловске Гоголя, много подробностей содержат воспоминания В. А. Жуковского и А. О. Россет, переехавших с высочайшим двором в Царское Село в середине июля «по случаю холеры» в столице.

«Пушкин мой сосед, и мы ведаемся с ним очень часто, — поспешит отметить Жуковский в письме П. Вяземскому. — А женка Пушкина очень милое творение. И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше. «Днем, — вспоминает А. О. Смирнова-Россет, — Жуковский занимался с великим князем или работал у себя. Пушкин писал, именно свои сказки, с увлечением; так как я ничего не делала, то и заходила в дом Китаева. Наталья Николаевна сидела обыкновенно за книгою внизу. Пушкина кабинет был наверху, и он тотчас нас зазывал к себе...» (51, с. 22). Устроенный и благополучный быт поэта похожим образом рисовался в представлении Павла Нащокина, молодая супруга поэта — непременно с рукоделием в руках: «Вы же меня развлекаете, я точно с тобой в кабинете — стою и молчу <sic> и жду сам не знаю чего — ты перебираешь листы — Наталья Николаевна сидит за конвой. — Вот братец, не портрет — а картина...» (43, с. 173). (Об изяществе вышивок Натальи Николаевны вспоминала дочка Арины Родионовны Мария Федоровна,

познакомившаяся с нею в Москве: «вынесли мне это показать ее работу, шелком надо быть, мелко-мелко, четверо-угольчатое...»).

Ассоциировались ли у Пушкина «три девицы под окном» с Натальей Николаевной и ее старшими сестрами — Екатериной и Александрой? Вместе с тем ближайшие жизненные планы поэта, несомненно, определялись «логикой» простого житейского подсчета:

И роди богатыря
Мне к исходу сентября...

Свою работу над «Сказкой о царе Салтане» Пушкин начинает, движимый заботами предстоящего отцовства.

Отношение к семейному статусу поэта в ближайшем дружеском окружении имело подчеркнуто «охранительный» характер, что не исключало в одном и том же послании различий смысловой окраски и личного интереса: «А я даже и поцеловала бы вас нежно, кабы не боялась <...> вашей милой супруги, — пишет Вера Федоровна Вяземская; — спросите у нее от меня, не разрешит ли? (не разрешится ли?)» — по-дружески каламбурно уточняет «князь Петр») (43, с. 218). Именно Вяземскому 3 сентября Пушкин сообщает о завершении работы над «Сказкой о Салтане»: «на днях испрознался сказкой в тысяча стихов; другая в брюхе бурчит» (43, с. 220). Обыгрывание сниженной стилистики — обычный прием «арзамасской

галиматъи». Это не исключало угадываемой за полупамятками дружеского общения взаимосвязи литературных и жизненных сюжетов. С большей определенностью два месяца спустя Пушкин выскажется в письме Павлу Нащокину: «Нат.<алья> Ник.<олаевна> брюхата — в мае родит. Всё это очень изменит мой образ жизни; и обо всем надобно подумать» (22 октября 1831 г.) (43, с. 237).

Первенцем в семье станет дочь Мария, родившаяся в 1832 году, через год, в июле 1833, появится сын Александр, затем в мае 1835 — сын Григорий, а еще через год — дочь Наталья. Так, вслед за «Сказкой о царе Салтане» (1831) последовательно будут написаны «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о мертвой царевне» (1833), а затем «Сказка о золотом петушке» (1834). Не стоит забывать о незавершенных замыслах и отдельных набросках, где ритмической основой повествования служит та же сказовая манера: «Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы...» (3; 17; 31). Сказки Пушкина оказываются прежде всего делом семейным, так как все вместе они имели общие «генетические» основания. «Приноровленность» к быту житейскому — их общая отличительная черта.

«Парадокс пушкинских сказок состоит в том, что, обратясь к жанру, принципиально противопоставляющему себя живой действительности, автор — как бы неожиданно и против воли, а на деле закономерно и необходимо — встал лицом к лицу с обнаженной реальностью жизни» (36, с. 169-170).

Основываясь на мемуарных источниках несложно очертить круг первых читателей «Сказки о Салтане». Известно, что одним из «приватных» ее слушателей стал Николай I, в семье которого 8 августа родился третий сын — Вел. кн. Николай (Пушкин и Наталья Николаевна присутствовали на его крестинах). Сохранился архивный список поэмы с пометками императора, есть непроверенное указание, что впервые «Сказка о Салтане» вместе с сказками В. Жуковского была напечатана в ограниченном количестве именно для «высочайших особ». С очевидного одобрения своего главного цензора Пушкин публикует «Сказку» в третьем томе своих сочинений (44). Высочайшее покровительство, однако, не оградило поэта от литературных и нелитературных нападков, смысл которых выходил далеко за пределы «домашнего чтения».

«Время сказок не прощало — это скажется потом...» (Б. Окуджава).

Невинный литературный сюжет нередко выступает провоцирующим фактором и подает повод к «нападкам неразборчивой критики». Достаточно сравнить сказки Пушкина и любую сказку Булгарина («Чертополох, или Новый Фрейшиц без музыки»), чтобы убедиться: не все, названное «сказкой» можно отнести к этому жанру литературного творчества. Речь не о стиле повествования, критериях нравоучительности или внешней «декоративной» отделке. Истолкование вышедших

из-под пера поэта сказочных сюжетов никогда не исключало аспектов предельно ангажированных (в буквальном смысле слова), т. е. «призывающих к ответу». Не изменяя поэтике жанра, пушкинские сказки оказывались более тесно связаны с политической реальностью, нередко конкурируя своей метафоричностью с прямолинейными формулами газетной и журнальной публицистики. Показательно, что авторские поправки к тексту «Сказки о Салтане» (И опять пошла тревога...) будут соседствовать на одной странице с продолжением пушкинской полемики с Булгариным.

Николая I не принято воспринимать заступником Пушкина. Однако нельзя оставить без внимания прямое указание императора А. Х. Бенкендорфу, относящееся к рассматриваемому периоду: «Забыл вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем номере Пчелы находится опять несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина <...> Предлагаю вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения; и если возможно, запретите его журнал» (9, с. 9).

Литературные разногласия определялись не только «личными инсинуациями» и сведением профессиональных счетов. Противостояние партий *литераторов-господ* и *господ литераторов* оказалось прикрытием конфликта интересов, потребности «сделать из литературы куплю»

(Н. Полевой), а адресация к мнению «интересующегося читателя» — служила простым способом повышения доходности изданий. По меткому замечанию Пушкина, гром мог «грянуть не из тучи, а из кучи». «Настоящим «Булгариным около Пушкина», — отмечал столетие спустя В. Розанов, — была, как раз наоборот, — публика» (46, с. 548).

В затянувшейся на два десятилетия перебранке журналов свою позицию заявляет начинающий критик Виссарион Белинский, еще не определившийся в качестве хрестоматийного апологета Пушкина. В статье 1834 года он, в частности, писал: «Теперь мы не узнаем Пушкина: он умер или, может быть, только обмер на время. Может быть, его уже нет, а может быть, он и воскреснет; этот вопрос, это гамлетовское *быть или не быть* скрывается во мгле будущего. По крайней мере, судя по его сказкам <...> и по другим произведениям, <...> мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю...» (8, с. 70-71). Это суждение было высказано в тот год, когда Пушкиным наряду со «Сказкой о мертвой царевне» были опубликованы «Анджело», отрывок из «Медного всадника», «Кирджали», «История Пугачева», «Пиковая дама». Что вкладывал Белинский в свою оценку «мертвых, безжизненных сказок» поэта? (*там же*, с. 19). Столетие спустя смысл и назначение сказки с прозорливой точностью отметит философ Е. Н. Трубецкой: «В сказке есть не только сверхнародное, но и сверхвременное» (56, с. 4).

Пушкинская позиция в редакционной борьбе самым непосредственным образом определяла ключевые тенденции развития национальной культуры. «30 годы, — пишет В. Каверин, — время осознания литературы, как социального явления. Новый читатель появляется на литературной арене — не изысканный читатель 20 годов, но грубый потребитель книжного производства <...>. Журналисты, открывшие новую читательскую массу, появляются на книжном рынке, как промышленники-предприниматели» (25, с. 8-9).

Оказавшись в ситуации «перекрестной критики», когда было «некогда думать о собачей комедии нашей литературы», но требовалось «укоротить хвост» дуумвирату Булгарина и Греча, Пушкин отвечает особым полемическим приемом. В надеждинском «Телескопе» (за пять лет до публикации в журнале «философического письма» П. Чаадаева) он публикует статью «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов». Текст статьи, как и эпиграф к ней, были не раз обстоятельно прокомментированы. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением Я. М. Боровского, отмечавшего, в частности, что «среди встречающихся в сочинениях и письмах Пушкина многочисленных латинских текстов — эпиграфов, цитат, поговорочных выражений и т. п. — не все получили надлежащее объяснение» (11, с. 117). Предваряющая статью латинская фраза, приписываемая Пушкиным Цицерону, получает

сознательно «укороченную» подпись «Cic». Подобный редуцированный прием написания имен классиков у поэта не редкость, как обыгрывание имен Горация и Петрарки в эпитафиях к ключевым главам «Онегина» (Hor. / Petr.). Во всех подобных случаях не только эпитафия, но и способ написания имени под ним, выступают «смысловым ключом произведения» (В. Шкловский). В каждом конкретном случае это предполагает свое «функциональное» уточнение.

В статье 1831 года «не вовремя» поставленная пушкинская точка становится смыслообразующим элементом, выступает не как *знак*, а как *факт* «препинания». Обиходное «Cic» обозначает актуальную ценностную дистанцию. В этом случае смысловой акцент в псевдо-цитате «*на арену я вышел вместе с равными мне*» принципиально изменяется, а вся фраза приобретает статус перформативного высказывания. Равными себе «северных шмелей» Пушкин явно не считал (не только в меру приписываемого ему литературного аристократизма). Такой «смысловой оборот» ориентировал читателей-современников на понимание внетекстовой ситуации, определяя ее как сферу не профессионального, а мировоззренческого конфликта (*одним из первых на этот пример авторской «фразеологии» Пушкина, ее идиоматический характер обратил внимание поэт Андрей Чернов*).

Вместе с тем косвенное упоминание Цицерона предполагает обращение к более широкому

историко-культурному контексту. В «Застольных беседах» Плутарха, с текстом которых Пушкин был хорошо знаком, приводится показательный факт биографии римского оратора и политика: он «подвергался насмешкам за свое имя, и друзья советовали переменить его, но тот отвечал: «Нет: имя Цицерон (горох) я сделаю славнее, чем такие, как Катон (кот), Катулл (щенок) или Скавр (толстая лодыжка)...». Остался ли этот исторический анекдот, характеризующий Цицерона как неординарного полемиста, без внимания Пушкина, вне его профессионального интереса? Как известно, жанр table-talk имел для него определенную степень привлекательности (ср. у Плиния Старшего: «Как писал, свидетельствуя о тебе, Диктатор Цезарь, когда-то твой враг, тебе полагались лавры, превосходящие любой триумф! Гораздо более славно необозримо расширить границы римского гения, чем пределы государства»). Готовя к изданию летом 1831 года окончательную редакцию «Повестей Белкина» Пушкин не оставляет замысла недописанной Болдинской осенью «Истории села Горюхина» (в рукописных вариантах названного первоначально «Горохиным»).

«Индивидуальность имени, — пишет В. М. Мокиенко, — обеспечивает его способность накапливать объемную историческую информацию. Мы убедились в этом на многих примерах. Но представьте себе, что связь слов *царь, минос, король* с личными именами монархов оказалась бы на

поверку фикцией. Самые увлекательные и аргументированные рассказы историков о Цезаре или Карле Великом были бы тогда излишни» (33, с. 209).

Имя Цезаря, ставшее титулатурой, в сочетании с внутренней формой «Cicero» уже не раз связывалось. Устойчивое ассоциирование этих имен может рассматриваться как формула, характеризующая конкретную историческую эпоху. Фольклорный «ретроспективизм», топология временной неопределенности — особенность «национального воображения». Объясняет ли это происхождение образа «Царя-Гороха» («Царя Косаря» в поморских сказках) как отсылку к стародавним (условно-дохристианским) временам?

Болдинской осенью 1830 года от имени Ивана Петровича Белкина Пушкин «издалека» начинает повествование о его «собственной вотчине». Как указывает А. Г. Гукасова, «произведение задумано как история села, существовавшего с незапамятных, баснословных времен, т. е. именно со времени царя Гороха, и носившего когда-то название Горохино. Было село Горохино, но оно стало осмысливаться как Горюхино, т. е. в процессе постепенного оскудения и обнищания (19, с. 241).

Отразившееся в рукописи сюжетное движение от «Горохино» к «Горюхину» представляется в этом плане семантически значимым чередованием. Не останавливаясь на анализе текстологических споров как частной проблеме, следует указать, что данный вопрос не решается уточнением

количественных отношений, так как существенным образом затрагивает принципы пушкинского историзма (так, «начертание «Горюхино», по подсчетам С. А. Венгерова, встречается около 30 раз, а начертание «Горохино» — только 3» (13, с. 226); см.: 12; 13; 15; 18; 19; 23; 24; 29; 33; 49).

Можно, как Н. Страхов, видеть в «Истории Горохина» карикатуру на Историю Карамзина (53, с. 27-32, 54), но в равной степени отнести к пародированию трудов Татищева, кн. Щербатова или Николая Полевого. Принципиально другое: «Историю села Горюхина» Пушкина нельзя воспринимать как карикатуру на отечественную историю. «Пушкин символизирует в «Истории» всю Россию», видит своей задачей «сжать историю государства в историю села», — отмечает А. Долинин (24, с. 241).

Теряющаяся в далеком прошлом «сельская хроника» — это мыслимое в «подсознании народной толщи» *Иное царство*, чаемое возвращение к архаичным и благодатным временам, «когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил был царь по имени Горох...» (7, с. 195). А. Ахматова говорила об устойчивости образных аллюзий и «мистической памяти» поэта. Все, что Пушкин хотел сказать об одной «отдельно взятой» деревне, в полной мере отражает эпиграф к II главе «Онегина»: «O rus! O Русь!». При всей неоднозначности интерпретации здесь важно видеть емкое смысловое обобщение (15).

«В чем заключается жизнь человека, если память о протекших временах не связывает настоящего с прошлым?», — цитирует Чаадаев мысль Цицерона в первом «философическом письме». С рукописью письма Пушкин познакомился летом 1830 года, в июне, т. е. до отъезда в Болдино, где начинает работу над «Историей Горюхина». В уподоблении Большой Истории хронике одного села можно видеть только начальный и самый *непосредственный по стилю* подступ к «связыванию времен». Укрывшись за литературную неопытность Ивана Белкина, Пушкин от его имени готовил ответ на мысль Чаадаева: «ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его предании».

Вполне определенно возражения Пушкина будут высказаны позже — в знаменитом письме Чаадаеву 1836 года, после «скандальной» публикации в «Телескопе». По точности формулировок этот ответ приобретал смысл политического документа: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться».

По мнению Пушкина, отечественная история, как предмет не вполне еще проясненный, может поразить взгляд «будущего историка». Принципиальный диалог с Чаадаевым предполагал не отдельные критические замечания, а убедительную и выстроенную систему аргументации. Для этого требовалась профессиональная точка

обзора. Пушкину были нужны архивы. В не ото-сланном адресату письме, как и незавершенном замысле «Истории Горюхина», оказались обо-значены только основные контуры пушкинской историософской концепции.

Летом 1831 года у поэта находились «для про-чтения» 6-е и 7-е «философические письма», пе-реданные ему Чаадаевым перед отъездом поэта из Москвы. Несмотря на настойчивые просьбы о возвращении, рукопись «писем», ссылаясь на холерные карантин, Пушкин явно не торопился отдавать. С их содержанием он знакомит Жуков-ского, о чем тот напишет А. И. Тургеневу. Концеп-туальным представляется 6 письмо, отразившее взгляды Чаадаева на философию истории. Важно отметить, что именно этот текст летом 1831 г., т. е. в период работы Пушкина над «Сказкой о Салта-не», оставался в поле его читательского интереса.

Для Пушкина народная сказка — не только народное предание. Оставаясь частью наци-ональной памяти, она являет собою факт от-ечественной истории. Вместе с тем в «Сказке о царе Салтане» можно видеть целый комплекс самостоятельных тем и сюжетов, находившихся с середины 20-х годов в поле творческого и иссле-довательского интереса поэта. Значимой в контек-сте 1830-х годов представляется не только связь «Истории Горюхина» с циклом «Повестей Белки-на», но и работой Пушкина над его сказками. Это, в частности, отметит А. Герцен в статье «Русский

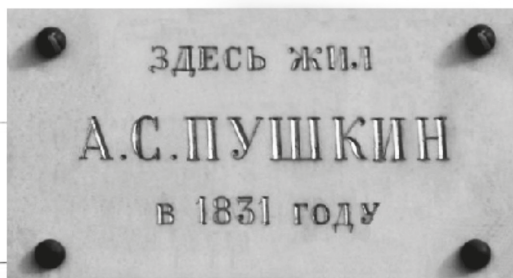
народ и социализм», для которого сюжетная линия «Сказки о Салтане» послужит аргументом емкого обобщения: «в этой сказке, милостивый государь, вся наша история» (подробнее: 18, с. 363-364).

Через три года после кончины няни, вспоминая образы собственного детства и отдавая невольный долг благодарной памяти, Пушкин начинает работу над сказками. Вступая в невольное профессиональное соревнование с писателями-современниками (31), он вряд ли старался конкурировать со своей няней Ариной Родионовной, оставаясь «угадчиком ее души, смиренным записывателем ее рассказов» (В. Розанов). В не меньшей степени, однако, в работе над сказками определялась степень его собственной творческой свободы. Позиция Пушкина-историка выходила за рамки фольклорного восприятия национального прошлого. Именно поэтому в его сказках важно видеть нечто большее, чем факт истории отечественной литературы.

Лето, когда Пушкиным были написаны «Бородинская годовщина», «Клеветникам России», отредактированы «Маленькие трагедии» и «Повести Белкина», подготовлен к изданию 3 том собрания сочинений, опубликованы полдесятка критических статей и разборов, не принято сравнивать с Болдинской осенью предшествующего года. Вместе с тем, несомненно, это был один из наиболее продуктивных творческих периодов в биографии поэта. В доме Китаевой, на бывшей

Колпинской улице, об этом осталось лаконичное напоминание:

«Здесь жил Пушкин в 1831 году»

* * *

Предлагаемая вдумчивому читателю книга Александра Шевцова будет интересна не только как многолетний опыт авторского постижения философии сказки.

Поэт Михаил Светлов не без иронии, но вполне глубокомысленно утверждал, что все мы дети, только разного возраста. Информационная эпоха кардинально изменила как представление о человеке, так и сам тип современной личности.

Gadget и device стали обиходными вещами, и цивилизационные преимущества «устройств» и «приспособлений» существенно понизили

актуальность столь значимых прежде понятий, как «способ» или «способность». Речь не только о клиповом сознании и изменении стиля мышления, а о перспективе сохранения интеллектуального языка.

Что «Homo Informaticus» способен обрести в диалоге с мировым наследием, когда перед ним стоят узко сформулированные функциональные задачи? В повседневном сознании почти утвердилась точка зрения на безграничность возможностей информационного пространства: «что есть в Интернете — есть в культуре, чего там найти нельзя — этого в культуре нет». Мысль о том, что духовность — понятие, которое не может быть виртуальным, в такой ситуации представляется беспомощной и наивной.

Вопрос о культурном статусе сказки как универсального по своей природе жанра оказывается актуализирован в переходные моменты истории, на «сломе» мировоззрений. Именно как «неумирающая ценность человеческой жизни» (Е. Трубецкой) сказка всякий раз оказывается в центре профессионального интереса (37; 39).

«Зачем нам отставать от поэзии бабушкиных сказок», — задавался непраздной мыслью П. Вяземский. Проблема культурной идентичности, столь часто сегодня обсуждаемая, определяется глубиной национальной памяти — ответом на вопрос не «кто мы», а «откуда мы». Можно ли воспринимать сказку как антропологический «ответ»

на вызовы активно оцифровываемой реальности?

Сказочные образы не имеют временного измерения — это «вечное настоящее» при каждом новом обращении. Моральные ценности сказки не сводятся к «контенту», однако каждая рассказанная ребенку сказка может рассматриваться как «инвестирование» в его будущее.

Насколько сегодня возможен «возврат к Пушкину», его сказкам, о чем сто лет назад задумывался Василий Розанов: «студент ни за что их не возьмет в руки по «превосходительной учености»; «Петя 11 лет» ни за что не отыщет в десяти толстых томах, с грудями примечаний и вообще ученой работы, «своей дорогой сказочки» о царе Салтане...» (47, с. 372). Поэтика сказки многослойна, здесь важно дотянуться не до книжной полки, а до смысла прочитанного. А потому совсем не наивной представляется мысль В. Розанова, чтобы Пушкин «вошел другом в каждую русскую семью, стал дядькою-сказочником для русских детей, благородным другом молодых матерей, собеседником старцев» (47, с. 372). Не менее важно и напоминание о том, что «задача ее — быть выслушанною», какая это сказка, если «в ней забыт *слушатель*» (46, с. 266).

Любимая сказка немыслима без интонации голоса, который с детства воспринимается и остается памятно-родным. Именно поэтому с воспоминаниями о сказках связаны самые светлые образы детства:

Будет дом. Будет много игрушек.
Мы на елку повесим звезду.
Я каких-нибудь добрых старушек
Специально для них заведу.
Чтобы песни им русские пели,
Чтобы сказки ночами плели,
Чтобы тихо года шелестели,
Чтобы детства забыть не могли.

Доченьки, доченьки,
Доченьки мои!..

Анастасия Вертинская в одном интервью вспоминала: «Папа потрясающе рассказывал сказки. Например, у него был бесконечный сериал про кота Клофердона...» (14).

Легко ли придумать сказку? О сказке «родительской», сопутствующей образу детства на протяжении всей человеческой истории, по существу ничего не написано. В отличие от сказки фольклорной или литературной такая сказка чаще всего связана с моментом её сказывания. Как любая импровизация, она может никогда не повториться — в следующий раз будет или продолжение, или совсем другая сказка. Опубликованные отдельным изданием или затерявшиеся в Интернете, они сохраняют нечто бесконечно заветное (40).

«Любовь к напевной сказке слов...» (К. Бальмонт) — главный усвоенный с детства опыт,

который непосредственно связан с обращением к истокам культуры и первым обретением себя.

«Виджу отца и за семейным столом после обеда: рисует иглой на медной доске <...> или читает вслух мне и сестре Елене «Сказку о царе Салтане» и «Скупого Рыцаря», — вспоминал Сергей Маковский. — С самых юных лет завтракали мы, а затем и обедали вместе с «большими» и особенно любили эти часы общения. <...> Жизнь в ту пору представляется мне вечным праздником...» (32, с. 13).

«Необыкновенные утра соединены в воспоминании и с первым моим литературным образованием: с чтением мне отцом сказок Пушкина...», — писал поэт и художественный критик Евгений Архипов (6, с. 110-111).

Очень теплые воспоминания о доме своего детства сохранит Мстислав Добужинский: «Отец прочитал мне также многие былины (дедушка мне подарил очень хорошее издание их с иллюстрациями). <...> Я заслушивался и «1001 ночью», и сказками Гауфа, и очень милой книжкой сказок Уайльда. Отец читал мне и сказки Пушкина, особенно я любил сказку «О Попе и работнике его Балде» и о «Царе Салтане»» (20, с. 24).

«Ска́зывание» — повествование особого рода, исключая географические и хронологические привязки, но восходящее к первообразам национальной картины мира. Именно поэтому сказочная условность выступает критерием цельности не только личной биографии, но единства

исторического бытия: всякая сказка «от начала начинается, до конца читается, в середине не перебивается».

Андрей Синявский однажды заметил: «...читаю Гоцци и все больше склоняюсь к мысли, что жизнь имеет форму и содержание сказки». Аналогия возможная и допустимая, однако самое опасное и опрометчивое желание — это сделать сказку былью. Возможно, именно этому настоящая сказка и учит.

Велимир Хлебников говорил, что «провидение сказок походит на посох, на который опирается слепец человечества». Если избегать тривиальных суждений, вопрос — о чем сказка — оставляет серьезного читателя и внимательного слушателя в ситуации логической неопределенности: «не знаю, куда» и «не знаю, что». Сказка всегда *сама по себе*. Комментарий к ней бессмыслен и избыточен.

«Преклонение перед мудростью «незнания» составляет неожиданную черту сходства между философией Сократа и сказкой», — отметит Е. Трубецкой (56, с. 18). Кто решится утверждать, что перечитывая знакомый сказочный текст в полной мере способен приблизиться к исчерпывающему пониманию заложенного в нем смысла?

Лев Летягин,
к. фил. н., зам. директора
Института философии человека
РГПУ им. А. И. Герцена

Библиография по теме к первой части

1. Абашева М. П., Зырянова А. И. Литературная сказка в исторической и методологической перспективе // Вестник удмуртского университета. Серия история и филология. — 2019. — Т. 29. — Вып. 2. — С. 246-254.

2. Азадовский М. К. [Рецензия на кн.: Пушкин А. Сказки] // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Институт литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — [Вып.] 1. — С. 322-328.

3. Азадовский М. К. Сказка, рассказанная Пушкиным Далю // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. — [М.; Л.: б. и., 1939]. — Вып. 4-5. — С. 488-490.

4. Андерсон В. А. Роман Апулея и народная сказка. — Казань: Типо-лит. Императорского университета, 1914. — Т. I. — [2], XI, [3], 5-655 с.

5. Аничкова Е. Е. Опыт критического разбора происхождения пушкинской «Сказки о царе Салтане» // Язык и литература: [Сборник статей] / Научно-исследовательский институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском государственном университете. — Л.: Издание Института, 1927. — Т. II. — Вып. 2. — С. 98-102.

6. Архиппов Е. Я. Рассыпанный стеклярус / Дом-музей Марины Цветаевой. — М.: Водолей, 2016. — Т. I: Стихотворения и проза. — 654, XVI с.: ил., портр., факс. — (Серебряный век. Παράλοποιόν).

7. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. — М.: Наука, 1984. — Т. I. — 511 с., 13 л. ил.: ил. — (Литературные памятники).

8. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу: [Сборник] / [вст. ст., с. 5-26, и комм. А. С. Курилова]. — М.:

Современник, 1988. — 651, [2] с.: портр. — (Библиотека «Любителям российской словесности»: «Из литературного наследия»).

9. *Бенкендорф А. Х.* Выписки из писем графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к императору Николаю I-му о Пушкине /перев. гр. Ек. П. Шереметевой; предисл. и прим. Николая Барсукова. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. — [2], 20 с.

10. *Березкина С. В.* Сказки Пушкина и современная им литературная критика // Пушкин: Исследования и материалы /РАН; Институт русской литературы (Пушкинский Дом). — СПб.: Наука, 1995. — Т. XV. — С. 134-142.

11. *Боровский Я. М.* Необъясненные латинские тексты у Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1972 / АН СССР. Отделение литературы и языка, пушкинская комиссия; ред. акад. М. П. Алексеев. — Л.: Наука, 1974. — С. 117-119.

12. *Бражников И. Л.* История одного села как возвращение домой: смешное Горохино и печальное Горюхино // Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». — 2010. — № 15 (58). — С. 55-63.

13. *Венгеров С. А.* Горюхино, а не Горохино // Пушкин А. С. Полное собраний сочинений: в 6 т. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910. — Т. IV. — С. 226. — (Библиотека великих писателей /под ред. проф. С. А. Венгерова).

14. *Вертинская А. А.* [Воспоминания]. Несколько историй от замечательной актрисы: о знаменитом отце, о ней самой и о работе в кино // Культурная столица: Журнал о культурной жизни Санкт-Петербурга. — 2013. — № 4.

15. *Викторова К. П., Тархов А. Е.* История села Горюхина // Знание-сила. — 1975. — № 1. — С. 33-34.

16. *Гиппиус В. В.* Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830–1831 гг. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Институт литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — [Вып.] 6. — С. 235-255.

17. Глебов Г. С. Утраченная сказка Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии /АН СССР. Институт литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 485-487.

18. Горюнков С. В. Герменевтика пушкинских сказок. — СПб.: Алетейя; Историческая книга, 2009. — 394, [4] с. — (Миф, религия, культура).

19. Гукасова А. Г. Болдинский период в творчестве А. С. Пушкина /под ред. Г. Н. Пospelова. — М.: Просвещение, 1973. — 303 с. — (Книга для учителя).

20. Добужинский М. В. Воспоминания /изд. подгот., [примеч. сост.] Г. И. Чугунов; [АН СССР]. — М.: Наука, 1987. — 477 с., [36] л. ил. — (Литературные памятники).

21. Зуева Т. В. «Мимо острова Буяна, к царству славного Салтана...»: Фольклорные источники сказок А. С. Пушкина // Народное творчество. — 1999. — № 3. — С. 2-4.

22. Зуева Т. В. «Сказка о царе Салтане» А. С. Пушкина. (Авторское овладение фольклорным сюжетом) // Проблемы изучения русского народного поэтического творчества (взаимовлияния фольклора и литературы): Республиканский сборник /Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской; [Редкол.: А. М. Новикова (отв. ред.) и др.]. — М.: МОПИ, 1980. — С. 62-89.

23. Иванникова В. В. «История села Горюхина» А. С. Пушкина в контексте литературных и исторических интересов поэта 30-х годов /Саратовский государственный университет. — Саратов: Газета, 1994. — 141, [1] с.

24. Искоз А. (Долинин А. С.) История села Горюхина // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 6 т. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910. — Т. IV. — (Библиотека великих писателей /под ред. проф. С. А. Венгерова). — С. 237-246.

25. Каверин В. А. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». — Л.: Издательство писателей в Ленинграде,

1929 (госуд. тип. им. Евг. Соколовой). — 251 с., [2] с., [3] с. объявл., [4] вклад. л. ил., портр.

26. *Кибальник С. А.* Художественная философия Пушкина /РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом). — СПб.: Дмитрий Буланин: Petropolis, 1998. — 198, [1] с. — (Studiorum slavicorum monumenta /Curat D. Bulanin; Т. 16).

27. *Кобеко Д. Ф.* Императорский Царскосельский лицей: Наставники и питомцы: 1811–1843. — СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1911. — X, [2], 553 с.

28. *Колесницкая И. М.* Сказки // Пушкин: Итоги и проблемы изучения: Коллективная монография /под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха; АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). — М.; Л.: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1966. — С. 437–444.

29. *Кожевников В. А.* Предположение об «Истории села Горюхина» // Московский пушкинист: Ежегодный сб. /РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкинская комиссия. — М.: Наследие, 1996. — Вып. II. — С. 83–93.

30. *Котляревский Н. А.* Пушкин как историческая личность. — Берлин: Научная мысль, 1925. — 258, [2] с.

31. *Маймин Е. А.* Созерцательный романтизм Жуковского; Философская романтическая проза В. Одоевского // Маймин Е. А. О русском романтизме; Русская философская поэзия; Лев Толстой: путь писателя; Воспоминания; Переписка. — Псков: Псковская областная типография, 2015. — С. 44–79; 196–236.

32. *Маковский С. К.* Портреты современников. — М.: XXI в. — Согласие, 2000. — 445, [1] с. — (Библиотека русской культуры).

33. *Мокиенко В. М.* Родословное древо царя Гороха // Мокиенко В. М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. — 3-е изд., перераб. — СПб.: Авалон; Азбука-классика, 2005. — С. 209–213.

34. Неёлов Е. М. О жанровом содержании «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. — 2001. — № 6. — С. 149-162.

35. Неизвестные страницы русской фольклористики /отв. ред. чл.-корр. РАН А. Л. Топорков; РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. — М.: Изд-во «Индрик», 2015. — 575 с. — (Традиционная Духовная Культура Славян).

36. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба: Статьи и заметки о Пушкине. — М.: Советский писатель, 1983. — 367 с., 1 л. портр.

37. Непомнящий В. С. Что ждет сказку? // Детская литература. — 1973. — № 3. — С. 14-18.

38. Перельмутер В. Г. Звезда разрозненной плеяды: Жизнь поэта Вяземского, прочитанная в его стихах и прозе, а также в записках и письмах его современников и друзей. — М.: Книжный сад, 1993. — 365, [2] с., [16] л. ил.: ил.

39. Полтавский С. Новому ребенку — новая сказка: этюд для родителей и воспитателей. — Саратов: губ. аг[ентство] «Центропечати», 1919. — 112 с.

40. Преображенская К. В. Мои сказки. — СПб.: Лики России, 2015. — 47 с.: цв. ил., портр.

41. Пушкин /Публикации и комментарии М. Беляева, Д. Благого, Т. Волковой [и др.]; Ред. М. А. Цявловского. — М.: Журн.-газ. объединение, 1936 (Тип. Гознака, типо-литогр. им. Воровского). — Обл., тит. л., IV, 604, [5] с., 14 вкл. л. ил., крас. портр. и факс.: ил., крас. портр., факс. — (Летописи Государственного литературного музея/Государственный литературный музей; Общ. ред. дир. Музея Влад. Бонч-Бруевича; Кн. 1).

42. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. /[сост. и прим. В. Э. Вацуро и др.; Вст. ст. В. Э. Вацуро]. /К.И. Тютюкин (ред.). — М.: Художественная литература, 1985. — Т. I. — 543 с., 9 л. портр.

43. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: [в 17 т.] / РАН, Институт русской литературы (Пушкинский

дом). — [Переизд.]. — М.: Воскресенье, 1997. — Т. XIV: Переписка, 1828–1831 /[общ. ред. Н. В. Измайлов]. — 1996. — 547, [7] с., [10] л. портр., факс.

44. *Пушкин А. С.* Сказка о Царе Салтане, о сыне его, славном и могучем богатыре Князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебеди («Три девицы под окном») // Пушкин А. С. Стихотворения Александра Пушкина. — СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1832. — Ч. III. — С. 130–181.

45. *Пыпин А. Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. — СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1857. — [8], 360 с.

46. *Розанов В. В.* Полное собрание сочинений: в 35 т. /[Институт научной информации по общественным наукам РАН, Российский государственный архив литературы и искусства]. — СПб.: Росток, 2017. — (Литература и искусство: в 7 т.). — Т. V: О писательстве и писателях: статьи 1912–1918 гг. /[сост. и науч. ред. А. Н. Николюкин]. — 942 с.

47. *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Среди художников /общ. ред., [вст. ст.] А. Н. Николюкина, [комм. А. Н. Николюкина, В. А. Фатеева]. — М.: Республика, 1994. — 493, [1] с., [8] л. ил.: ил.

48. *Сабуров Я. И.* Письмо А. И. Сабурову (от 3 марта 1831 г.) // Пушкин. Лермонтов. Гоголь /АН СССР. Отделение литературы и языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 102–103. — (Литературное наследство; Т. 58).

49. *Сиповский В. В.* К литературной истории «Истории села Горохина» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования /Комиссия для издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук. — СПб., 1906. — Вып. IV. — С. 47–58.

50. *Слонимский А. Л.* О сказках Пушкина // Пушкин А. С. Сказки /Гравюры на дереве В. Конашевича, М. Орловой, С. Мочалова, Н. Фан-дер Флит; Ред. текста, статья и прим.

Александра Слонимского. — 6-е изд. — [Л.]: Изд-во детской литературы. Ленингр. отд-ние, 1935 (тип. «Печатный двор»). — С. 88-112.

51. Смирнова А. О. Дневник. Воспоминания/изд. подгот. С. В. Житомирская; [АН СССР]. — М.: Наука, 1989. — 789 с., [9] л. ил. — (Литературные памятники).

52. Столпянский П. Н. Пушкин и «Северная пчела» (1825–1837) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования/Комиссия для издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук. — Пг., 1914. — Вып. 19/20. — С. 117-190.

53. Страхов Н. Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. — 2-е изд., доп. — Киев: [И. Матченко], 1897 (Тип. И. И. Чоколова). — [4], XVIII, 281 с.

54. Тархова Н. А. Второе рождение сказки // Литературная сказка пушкинского времени: [Сборник/сост., вст. ст. и комм. Н. А. Тарховой; Ил. Н. Г. Гольц]. — М.: Правда, 1988. — С. 5-28.

55. Топорков А. Л. Русские формалисты и изучение фольклора // Неизвестные страницы русской фольклористики / РАН. ИМЛИ им. А. М. Горького. — М.: Изд-во «Индрик», 2015. — С. 38-55.

56. Трубецкой Е. Н. Иное царство и его искатели в русской народной сказке. — М.: Г. А. Леман, 1922. — 48 с.; то же [без ценз. купюр]: Литературная учеба. — 1990. — № 2 (март-апрель). — С. 100-118.

57. Трубицын Н. Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века: (Очерки). — СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1912. — XVI, 593 с. — (Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета; Ч. 110).

58. Фомин А. Г. Пушкин и журнальный триумvirат 1830-х годов // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. — СПб. Издание Брокгауза-Ефрона, 1911. — Т. V. — С. 451-492. — (Библиотека великих писателей/под ред. проф. С. А. Венгерова).

59. *Хлебников В.* О пользе изучения сказок // *Хлебников В.* Собрание сочинений: в 6 т. / Под общ. ред. Р. В. Дуганова; [РАН. Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Общество Велимира Хлебникова]. — М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2005. — Т. VI. — Кн. 1. — С. 133-134.